

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ТЕОРИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ О.М. МЕДУШЕВСКОЙ: ТОЧНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

И.В. Сабенникова

Сектор использования архивных документов
Всероссийский научно-исследовательский
институт документоведения и архивного дела
ул. Профсоюзная, 82, Москва, Россия, 11739

Теория когнитивной истории, разработанная О.М. Медушевской (1922–2007), очевидно, стала наиболее важной и влиятельной парадигмой в российской философии истории и историографии со времени крушения официальной советской версии марксистско-ленинской методологии в конце XX в. Пытаясь понять этот факт, автор анализирует основные интеллектуальные корни парадигмы, ее структуру и влияние на междисциплинарные дебаты о возможности точной и доказательной реконструкции исторического прошлого. Подчеркивается фундаментальная роль когнитивной теории в текущем процессе смены парадигм в российской историографии, создании новых областей исследований, педагогических практик и установлении новой профессиональной этики научного сообщества.

Ключевые слова: О.М. Медушевская, методология истории, макрообъект исторической науки, теория когнитивной истории, антропологический метод, когнитивно-информационная модель.

Введение

Обоснование темы. Познание человека в истории как «тотальной целостности» предполагает преодоление существующих методологических диспропорций. Ключевой проблемой, требовавшей своего решения на рубеже XX–XXI вв., стал вопрос о единстве научного знания, общих эпистемологи-

ческих принципах междисциплинарности, выстраиваемых с позиций представителей как гуманитарных, так и естественнонаучных областей современной науки. Эта проблема, как неоднократно отмечалось в литературе, получила решение в рамках когнитивно-информационной теории и созданной на ее основе теории когнитивной истории О.М. Медушевой (1).

Данная теория выдвигает концепцию истории как строгой и точной науки, опирающейся исключительно на критический анализ информации источников, подтверждает необходимость очищения научной терминологии и формирования понятий, поддающихся доказательной (логической и эмпирической) проверке, и видит цель исследовательской работы в создании непротиворечивой концепции исторического знания и исторической информации. Основы теории полно и последовательно представлены в трех трудах ученого: «Теория и методология когнитивной истории» (М., 2008) (2); «Теория исторического познания» (СПб., 2010) (3); «Пространство и время в науках о человеке» (М., 2013) (4).

О.М. Медушевой сформулирован вывод о смене парадигм в современной исторической науке – переходе от нарративистских (и наивно-герменевтических) подходов к теории когнитивной истории. Концепция когнитивной истории, ставшая ответом на эти вызовы современной эпохи, видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов, которые, в свою очередь, выступают отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Таким образом, когнитивная история, по мнению О.М. Медушевой – это наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельностью.

Обзор литературы. Вклад теории когнитивной истории О.М. Медушевой в методологию современного гуманитарного познания и состояние научного сообщества обсуждался в литературе по следующим направлениям: целесообразность пересмотра ряда устоявшихся теоретических положений современной науки; возможность решения с этих позиций классической проблемы исторического познания; познаваемости исторического процесса и выстраивания методов и критериев доказательности и проверки знания; вывод о смене парадигм и необходимости выбора научным сообществом новой стратегии развития; подход с этих позиций к решению проблем высшего образования. Проведена реконструкция основных понятий когнитивно-информационной теории в их формировании, логической взаимосвязи и влиянии на становление аналитической истории (5).

Цель и задачи. Автор ставит целью проанализировать теорию когнитивной истории, разработанную О.М. Медушевой, раскрыв основные интеллектуальные корни парадигмы, ее структуру и влияние на научную дискус-

сию о возможности точной и доказательной реконструкции исторического прошлого.

Исследование проблемы

В рамках предложенной О.М. Медушевской теории удастся решить проблемы, перед которыми отступила наука предшествующего времени (опиравшаяся на позитивизм, неокантианство или марксизм): достижение единства методов научного познания; доказательности такого познания в истории и выявления единицы познания – реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности (исторического источника); реконструкция структуры информационного ресурса (структурно-функциональный подход и видовой принцип классификации в источниковедении и архивоведении); наконец, превращение истории в строгую и точную науку (6). Ключевое значение имеет введение понятия макрообъекта исторической науки как всей совокупности интеллектуальных продуктов – целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности, всегда структурированных под цель их создания. Данный подход представлен в ряде важных работ исследователя – «История в общей системе познания: смена парадигм»; «Методология истории как строгой науки»; «История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество». Подчеркнем, что все полученные выводы справедливы как для традиционных видов источников, так и для новых, возникших в эпоху электронных коммуникаций.

В центре обсуждения оказалась выдвинутая О.М. Медушевской новая парадигма гуманитарного познания, суть которой состоит в доказательной реконструкции психологических основ мотивации поведения индивида в прошлом на основе раскрытия информации исторических источников – всей совокупности интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности. Используя эту концепцию, ученые получают возможность создать новую методологию доказательных исторических исследований; найти фундаментальный критерий для отделения точных намеренных и ненамеренных свидетельств исторических источников по отношению к широкой области искусственно сконструированных вторичных нарративов различного рода; обрести новую основу междисциплинарных коммуникаций с другими науками (такими, как когнитивная психология, информатика, антропология, структурная лингвистика, вся совокупность архивных и вспомогательных дисциплин) и создать общую модель объяснения социальной и когнитивной адаптации – поведения человека в прошлом и настоящем (7).

С этих позиций предметом обсуждения стали вопросы философских и теоретических предпосылок формирования когнитивной парадигмы (феноменологическое направление в философии, марксизм и структурализм); этапы развития концепции О.М. Медушевской (работы по исторической географии и картографии, теоретическим проблемам источниковедения, вопро-

сам исторической реконструкции пространственных и временных представлений предшествующих эпох); возможности развития в различных междисциплинарных и сравнительных исследованиях (философии и социологии истории, психологии, компьютерных науках, исторической географии, антропологии, структурной лингвистике); направления ее практического применения (в историко-антропологических и источниковедческих исследованиях, педагогике, архивном и музейном деле). Книги О.М. Медушевской, изданные в таких сериях, как «Humanitas» и «Российские пропилеи», заняли прочное место в библиотеке мировой и российской классики философии истории. Специалистами была подчеркнута исключительная роль научной школы теоретического источниковедения О.М. Медушевской, достижения которой признаны во всем мире (8).

Источниковедческая парадигма в системе современного гуманитарного знания представлена трудами О.М. Медушевской, заложившими основы этой дисциплины. Среди них – «Источниковедение: теория, история и метод»; «Источники в науках о человеке»; «Источниковедение и историография: индикатор системных изменений», а также работах по истории становления и развития источниковедческой школы в России (9). Новое определение источниковедения опирается на историко-антропологический подход. «Источниковедение, – подчеркивает автор, – изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек – произведение – человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, с помощью личного контакта, но опосредованно, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающего его личность» (10).

Проведенный в настоящее время А.А. Чернобаевым анализ идей О.М. Медушевской в контексте развития российской историографии XX – начала XXI в. позволил сделать ряд важных выводов: при всей радикальности изменения основополагающих парадигм исторической науки – государственной школы, классовой теории, когнитивно-информационной теории, – это развитие не исключает преемственности некоторых базовых ценностей и установок, позволяющих говорить о единстве историографического процесса. Разработанная О.М. Медушевской теория и методология когнитивной истории составляет одну из таких научных революций, поворотных точек в развитии историографии конца XX в., но вместе с тем она вбирает в себя в снятом виде достижения предшествующих этапов. Даже советская наука при всей ее идеологической неподвижности, как было показано, не являлась монолитом: под толстым слоем догматизированного марксизма билась живая критическая мысль – продолжали действовать научные школы, удавалось сохранить преемственность ряда (хоть и не всех) академических традиций. «Парадоксальным образом идеологический прессинг, сковывающий возможности самореализации ученых, – считает исследователь, – вел к развитию профессионализма – глубокой разработке проблем источниковедения, конкретно-исторических

исследований, прежде всего на материале древней и средневековой истории. Именно это позволило в новых условиях развития России XXI в. представить обществу глубокие труды О.М. Медушевской по методологии истории, расчищающие дорогу поступательного развития науки, а сама она предстает как символическая фигура, объединяющая три ключевых периода российской историографии XX века» (11).

Трудности эпохи, с которыми сталкивалась Ольга Михайловна на большей части жизни, – подчеркивает другой новейший рецензент ее трудов (Н. Плискевич) – не сломили ее воли к истине (как это произошло с очень многими интеллектуалами), но стали вызовами, требующими объяснения.

Внутренний конфликт мыслящих людей в советском обществе заключался, как известно, в необходимости принять тотально деформированную информационную картину мира при четком осознании ее несоответствия действительности. Требовалось понять, как соотносятся в этой информационной системе – мифы и наука, догма и исследование, свобода интеллектуальной деятельности и цензура, опыт и знание, понимание и объяснение.

Новизна подхода О.М. Медушевской заключалась в постановке вопроса о том, как проверить состоятельность тех или иных утверждений на уровне понимания смысла, определить влияние этого понимания на когнитивную и социальную адаптацию индивида в обществе, выявить связь когнитивных установок, языка и деятельности индивида, сделать гуманитарное познание доказательным и верифицируемым. В условиях революционного разрушения культуры и науки, жесткого идеологического прессинга и сознательной отгороженности от Запада это была именно та когнитивная установка, которая способствовала выживанию «элитного человеческого капитала» (12), способного сохранить и создать уникальные направления в различных областях гуманитарного и естественно-научного знания. «Приверженность строгим эпистемологическим регулятивам», заложенным в методологии когнитивной истории, – по мнению новейшего рецензента (М.А. Мануильский), – делает возможной доказательный подход в истории человека: «пристальное внимание к источнику как интеллектуальному продукту, безусловно находится в тренде растущего интереса к нашему советскому прошлому, в том числе к нашей интеллектуальной истории» (13).

С позиций теории когнитивной истории, ядро которой составляет методология теоретического источниковедения, оказывается возможным обращение к антропологической проблематике: определение общности культурной и познавательной ситуации; реконструкция представлений о пространстве и времени в их взаимосвязи; осуществление междисциплинарного синтеза истории с другими гуманитарными и естественными науками (географией, психологией, лингвистикой, компьютерными науками и др.); постановка на твердую эмпирическую основу сравнительных исследований человеческого общества с позиций информационного обмена.

Информационный обмен может иметь как непосредственный, так и опосредованный характер – передачу продуктов целенаправленной человеческой деятельности (фиксированной информации) во времени и пространстве, что открывает пути кодирования и раскодирования информации, отделения подлинной от мнимой информации, наконец, ее накопления в историческом процессе. Специальное значение для формирования историко-антропологического подхода имеют работы О.М. Медушевской – «Феноменология культуры»; «Проблема структуры в науках о человеке», «Когнитивно-информационная модель в науках о человеке»; «Историческая антропология как феномен гуманитарного знания»; и, наконец, труды, раскрывающие с этих позиций проблемы исторического образования и педагогического процесса – «История науки как динамический процесс», «Идея РГГУ» и др., где четко сформулированы концептуальные основы этого университета, отражены основные направления формирования международной школы теоретического источниковедения и ее принципиальные междисциплинарные ориентиры.

Новая образовательная модель, ориентированная на формирование творческой личности, предполагает интеграцию исследовательской и педагогической деятельности в рамках единого антропологического подхода. Этот вывод определяет позицию О.М. Медушевской в ходе дискуссии относительно реформы гуманитарного образования, тем более важную, что в ее лице мы имеем дело с одним из общепризнанных мастеров и лидеров российской исторической науки и педагогики (14).

Для понимания концепции гуманитарного познания и научной школы О.М. Медушевской важны такие работы завершающего периода ее творчества, как «Исторический источник: человек и пространство»; «Источник и сравнительный метод в гуманитарном знании»; «Точное знание в истории: структуралистский аспект»; «Эмпирическая реальность исторического мира» и др. Прослеживается последовательное стремление добиться синтеза исторической антропологии и источниковедения (15). Был отмечен фундаментальный характер научных трудов О.М. Медушевской, общее значение теории и методологии когнитивной истории для решения актуальных проблем гуманитарного познания и самоорганизации научной интеллигенции. Констатировалась необходимость разъяснения основных положений теории когнитивной истории в методологических и историографических трудах, программах лекционных курсов по источниковедению, а также в педагогическом процессе (16). Эти направления деятельности традиционно представлены в практике Историко-Архивного института. Принципиален вклад О.М. Медушевской в разработку проблем исторической географии и формирование ее российской школы, хронологии, картографии и других дисциплин, требующих высокого уровня профессиональной подготовки и знания архивных документов (17).

Важный общий вывод О.М. Медушевской о перспективах методологии истории состоял в необходимости в науке и образовании добиться «синтеза

трех направлений» – «антропологии с ее главной идеей глобального (коэксистенциального) единства человечества; исторической науки с ее главной идеей эволюционного единства человечества; источниковедческой науки с ее главной идеей единства источниковой основы целенаправленной человеческой деятельности. Взаимодействие данных исследовательских направлений создает единое пространство теоретико-познавательных и образовательных социальных практик, подчиненных общей цели – достижению достоверного (и даже точного) гуманитарного знания» (18). Этот вывод получил практическую реализацию в читавшихся Ольгой Михайловной курсах по методологии истории, источниковедению и исторической антропологии. В современной литературе раскрыт вклад О.М. Медушевской в разработку теоретических проблем источниковедения, создание новых подходов в историографии и исторической географии. Не случайно поэтому ряд современных исследователей специально обратился к формированию взглядов О.М. Медушевской в этой области, истории ее работы в архивах, специальному выявлению ее вклада в историческую географию и картографию.

В контексте современных дискуссий чрезвычайно актуален намеченный когнитивной теорией подход к решению проблем высшего образования, указывающий на принципиальное различие фундаментального образования (основанного на обучении методу) от транслирующего и вторичного (основанного на механическом воспроизводстве чужих мыслей без установки на их критический анализ). Данная постановка задач исторического познания и образования, несомненно, делает работу ученого и преподавателя более трудной и ответственной, но и результат такого исследования оказывается вознагражден приобретением нового знания о человеке. Антропоцентрическая ориентация гуманитарного познания, таким образом, выражает и объясняет новую ситуацию в гуманитарном образовании.

Принятие методологических установок парадигмы когнитивной истории позволяет найти убедительные ответы на сложные вопросы текущей общественно-политической повестки дня, в частности – раскрыть причины растущего когнитивного диссонанса в обществе в отношении ключевых событий российской (советской) истории XX в. Данный феномен связан, с одной стороны, с неготовностью массового сознания признать историю полноценной наукой, а ее выводов как доказательной версии исторического прошлого, с другой – с дезориентацией постсоветского экспертного сообщества, часть которого отвергает научный характер исторического познания, фактически отождествляя его с субъективным видением прошлого, стремится использовать неопределенность терминологии для внедрения суррогатных трактовок исторического процесса. Наконец, с третьей стороны – присутствует тенденция власти опереться на те идеологические стереотипы прошлого, которые, устойчиво закрепившись в массовом сознании, способствуют ее легитимации, хотя, как правило, не соответствуют действительности или существенно искажают ее. В современном научном сообществе поэтому ост-

ро стоит проблема обретения собственной профессиональной идентичности на основе признания истории точной и доказательной наукой.

Объективное различие социальных функций исторического знания – эвристически-познавательной, педагогически-воспитательной, политически-легитимирующей, юридически-доказательной и др. – открывает различные направления его использования в современном обществе. В России традиционно сформировался конфликт в понимании исторического прошлого между научной интеллигенцией (отстаивающей преимущественно познавательную функцию истории) и политической властью, рассматривающей историческую информацию прежде всего как ресурс социальной консолидации и собственной легитимации. Если в идеале различные социальные функции исторического знания не должны противоречить друг другу, то в реальности между ними существует конфликт, который нарастает по мере отчуждения общества от власти и стремления последней навязать обществу собственную версию исторического процесса (19).

Распространение суррогатных схем исторического прошлого с целью воспитания официального патриотизма не служит полноценной гражданской консолидации, поскольку опирается на квазинаучную интерпретацию событий прошлого. Реставрационные тенденции наиболее четко отражены в доминирующей официальной трактовке ключевых исторических событий XX в. – революции, сталинизма, причин крушения СССР, преобразований эпохи перестройки и реформ 90-х гг. XX в., оценке с этих позиций текущих политических и конституционных процессов. В общественное сознание внедряется мысль об «особом пути» российского общества, отторгающего будто бы западные представления о частной собственности, политической демократии и правах человека, вывод об исторической предопределенности и неизбежности авторитарной модели власти, необходимости клерикализации общества и пересмотре с этих позиций конституционных принципов 1993 г.

Все попытки подменить научную версию истории ее искаженной, популистской версией есть движение в неверном направлении. Направленный характер этих тенденций в историографии вызывает тем большую озабоченность, что получает воплощение в педагогической практике – историко-культурных стандартах и системе учебников для всех ступеней образования – для начальной, средней и высшей школы. Результатом может стать полное переформатирование исторического самосознания населения, основанного на неадекватной картине исторического процесса, а следовательно, исключая способность к адекватной мотивации поведения в условиях современного глобализирующегося мира.

Выводы

С позиций когнитивной теории истории гуманитарное (историческое) образование целесообразно строить как фундаментальное, а не прикладное –

учить методам самостоятельного выявления, критического анализа информации и доказательной проверки данных, а не просто транслирующим процессам – передаче информационных блоков в готовом виде. Потребление информации вне самостоятельной научной критической проверки ее достоверности индивидом открывает простор для идеологического манипулирования и информационной сегрегации. В основе соответствующих образовательных стандартов должна лежать непротиворечивая концепция исторического процесса – такая его версия, которая выработана путем диалога внутри научного сообщества, а не механически насаждаемая помимо него. Эта концепция предполагает обоснование критериев селекции основных фактов, доказательную реконструкцию мотивов исторического выбора каждой эпохи, его вариативности, цены и последствий в сравнительной перспективе.

Роль и ответственность гуманитарной интеллигенции в переосмыслении истории XX в. оказывается чрезвычайно велика. В условиях смены научных парадигм – перехода от нарративистской (описательной) методологии истории к когнитивно-информационной (аналитической) – возрастает значение этического выбора научной интеллигенции – сознательного отрицания релятивистских представлений об историческом прошлом в целях манипулирования и, напротив, уверенного отстаивания научного профессионализма, открывающего путь полноценной и доказательной реконструкции исторического прошлого страны. Подлинный профессионализм, следовательно, есть лучшая прививка как от субъективизма, так и от «официального патриотизма».

Таким образом, констатируем фундаментальное значение концепции когнитивной истории как новой парадигмы методологии истории, ее поворотную роль в решении актуальных проблем, стоящих перед современным российским научным сообществом гуманитариев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Когнитивная история. Концепция, методы, исследовательские практики. Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011.
- (2) Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
- (3) Медушевская О.М. Теория исторического познания: избранные произведения. СПб., 2010.
- (4) Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.–СПб., 2013.
- (5) Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22; Он же: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70–92.
- (6) Сабенникова И.В. Презентация в ИНИОН РАН книги О.М. Медушевской «Теория исторического познания: избранные произведения» // Вестник архивиста. 2010. № 4.
- (7) Медушевская О.М. Точное гуманитарное знание // Интеллектуальная культура современной историографии. М., 2006. С. 85–97.

- (8) Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // *Российская история*. 2009. № 1. С. 141–150.
- (9) Медушевская О.М. Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1996.
- (10) Медушевская О.М. Теория исторического познания... С. 73.
- (11) Чернобаев А.А. Преемственность и новаторство российской историографической традиции XX – начала XXI в. // *Клио*. 2014. № 5 (89). С. 147.
- (12) Плискевич Н. «В историческом процессе всего интереснее человек...». О.М. Медушевская. Пространство и время в науках о человеке // *Знамя*. 2014. № 9.
- (13) Мануильский М.А. Рец. на книгу: Медушевская О.М. Пространство и время в науках о человеке // *Человек*. 2014. № 5. С. 176.
- (14) Мастера русской историографии: Ольга Михайловна Медушевская // *Исторический архив*. 2010. № 3. С. 112–127.
- (15) Медушевская О.М. Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии // *Социологические исследования*. 2010. № 11.
- (16) Шмидт С.О. О.М. Медушевская как профессор Историко-архивного института // *Когнитивная история: Концепция, методы, исследовательские практики*. М., 2011.
- (17) Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Сборник памяти О.М. Медушевской. М., 2008.
- (18) Медушевская О.М. Теория исторического познания... С. 371.
- (19) Медушевский А.Н. Мои бои за историю. Как я был главным редактором журнала «Российская история» // *Вестник Европы*. Т. 33. 2012. С. 147–159.

REFERENCES

- (1) *Kognitivnaja istorija. Konceptcija, metody, issledovatel'skie praktiki. Chtenija pamjati professora Ol'gi Mihajlovny Medushevskoj* [Cognitive story. Concepts, methods, research practices. Reading the memory of Professor of Olga Medushevsky]. Moscow, 2011.
- (2) Medushevskaya O.M. *Teorija i metodologija kognitivnoj istorii* [Theory and methodology of cognitive history]. Moscow, 2008.
- (3) Medushevskaya O.M. *Teorija istoričeskogo poznanija: izbrannye proizvedenija* [Theory of historical knowledge: Selected Writings]. St.-Petersburg, 2010.
- (4) Medushevskaya O.M. *Prostranstvo i vremja v naukah o cheloveke: Izbrannye trudy* [Time and space in the human sciences: Selected Writings]. Moscow, St.-Petersburg, 2013.
- (5) Medushevskij A.N. *Kognitivno-informacionnaja teorija v sovremennom gumanitarnom poznanii*. *Rossiyskaya istoriya – Russian history*, 2009, no. 4, pp. 3–22; Idem. *Kognitivno-informacionnaja teorija kak novaja filosofskaja paradigma gumanitarnogo poznanija* [Cognitive-information theory as a new philosophical paradigm of humanitarian knowledge. *Problems of Philosophy*], 2009, no. 10, pp. 70–92.
- (6) Sabennikova I.V. *Prezentacija v INION RAN knigi O.M. Medushevskoj “Teorija istoričeskogo poznanija: izbrannye proizvedenija”*. *Vestnik arkhivista – Herald of an archivist*, 2010, no. 4.
- (7) Medushevskaya O.M. *Tochnoe gumanitarnoe znanie. Intellektual'naja kul'tura sovremennoj istoriografii* [Exact Humanities. Intellectual 1996 culture of modern historiography]. Moscow, 2006, pp. 85–97.
- (8) Kazakov R.B., Rumjanceva M.F. O.M. Medushevskaja i formirovanie rossijskoj shkoly teoretičeskogo istočnikovedenija. *Rossiyskaya istoriya – Russian history*, 2009, no. 1, pp. 141–150.

- (9) Medushevskaya O.M. *Istochnikovedenie. Teorija, istorija i metod* [Study of sources. Theory, History and Method]. Moscow, 1996 .
- (10) Medushevskaya O.M. *Teorija istoričeskogo poznanija*, p. 73.
- (11) Chernobaev A.A. Preemstvennost' i novatorstvo rossijskoj istoriograficheskoj tradicii XX – nachala XXI v. *Klio – Clio*, 2014, no. 5 (89), p. 147.
- (12) Pliskevich N. “V istoričeskom processe vsego interesnee čelovek...”. O.M. Medushevskaja. Prostranstvo i vremja v naukah o čeloveke. *Znamja – Banner*, 2014, no. 9.
- (13) Manuil'skij M.A. Rec. na knigu: Medushevskaja O.M. Prostranstvo i vremja v naukah o čeloveke. *Čelovek – Human Being*, 2014, no 5, p. 176.
- (14) Mastera rusškoj istoriografii: Ol'ga Mihajlovna Medushevskaja. *Istoričeskij arhiv – Historical Archive*, 2010, no. 3, pp. 112–127.
- (15) Medushevskaya O.M. Kognitivno-informacionnaja teorija v sociologii istorii i antropologii. *Sociologičeskie issledovanija – Sociological Researches*, 2010, no. 11.
- (16) Shmidt S.O. O.M. Medushevskaja kak professor Istoriko-arhivnogo institute. *Kognitivnaja istorija: Konceptija, metody, issledovatel'skie praktiki* [Cognitive History: concepts, methods, research practices]. Moscow, 2011.
- (17) *Vspomogatel'nye istoričeskie discipliny – istočnikovedenie – metodologija istorii v sisteme gumanitarnogo znanija* [Auxiliary Historical Disciplines – Chronology – Methodology of History in the humanities. Collection of memory O.M. Medushevsky]. Moscow, 2008.
- (18) Medushevskaya O.M. *Teorija istoričeskogo poznanija* [Theory of historical knowledge], p. 371.
- (19) Medushevskij A.N. Moi boi za istoriju. Kak ja byl glavnyj redaktorom žurnala. “Ros-sijskaja istorija”. *Vestnik Evropy – Herald of Europe*, 2012, vol. 33, pp. 147–159.

**THEORY OF O.M. MEDUSHEVSKAYA'S COGNITIVE HISTORY:
PRECISE KNOWLEDGE IN HUMANITIES
AND PROFESSIONAL CHOICE OF ACADEMIC COMMUNITY**

I.V. Sabennikova

Department of Archival Documents
Russian Institute of Documents and Historical Records Research
Profsoyuznaya Str., 82, Moscow, Russia, 11739

The theory of cognitive history elaborated by Olga M. Medushevskaja (1922–2007) has obviously been the most important and influential paradigm in Russian philosophy of history and historiography since the collapse of the official Soviet version of Marxist-Leninist methodology at the end of the 20th century. In this regard the author analyzes the main intellectual roots of the paradigm, its structure and influence on inter-disciplinary debates on the possibility of the precise and verifiable reconstruction of historical past. The author emphasizes the fundamental role of the cognitive theory in the current process of paradigm-change in Russian historiography, in the creation of new research areas, pedagogical practices and the establishment of new professional ethics of academic community.

Key words: Olga M. Medushevskaja, methodology of history, macroobject of historical science, theory of cognitive history, anthropological method, cognitive-information model.